

**Специфика повествовательной перспективы
в чешской эмигрантской прозе 1990-х – 2000-х годов**

Боярская Анна Андреевна

аспирантка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: natlak@yandex.ru

«Бархатная революция» 1989 г. изменила жизнь чехов, а чешская литература, не стесненная более цензурой, вернулась к читателям во всем своем разнообразии. Но история эмигрантской литературы не закончилась и продолжается до сих пор. На 1990-е гг. пришелся творческий расцвет писателей «младшего поколения» чешской эмиграции (родившихся после 1950-го г.), таких как, например, В. Тршешняк, Л. Мартинек, И. Пекаркова. Их личная судьба сложилась по-разному. Как и многие представители «старшего поколения», Мартинек не вернулся на родину. Тршешняк, являясь гражданином Швеции, может считаться иностранцем в собственной стране, а Пекаркова, проведя несколько лет в Чехии, недавно вновь решила уехать за границу.

Эти писатели, основываясь на собственном опыте, обращаются в своих произведениях в основном к теме эмиграции. Однако, уходя от социального и исторического аспекта этой темы, они сосредотачивают внимание на проблеме поиска человеком своего места в современном мире, смысла жизни и самого себя, на проблеме взаимодействия и взаимопонимания представителей разных культур.

С этим непосредственно связан и выбор повествовательной перспективы. Это или повествование, где рассказчиком, видящим и оценивающим события, является главный герой, или же, при наличии другого повествователя, сочетание внешней по отношению к излагаемым событиям повествовательной перспективы с внутренней (то есть, с точкой зрения персонажа). Чередование точек зрения повествователя и героя можно проследить на нескольких уровнях: пространственно-временном, оценочном и языковом, соответственно определив: где находится говорящий, каковы его поле зрения и степень удаленности от изображаемых событий во временном плане; чья субъективная оценка доминирует, чьим языком переданы события.

В произведениях этих трех авторов в пространственно-временном плане преобладает внутренняя перспектива. Это означает, что повествователь не является вездесущим, перемещаясь в романном мире только вместе с героем. Объем информации о происходящем (и о других персонажах) повествователя совпадает с объемом знаний главного героя: читатель не узнает ни подоплеку тех или иных событий, ни дополнительных фактов. Он получает описание внешности всех персонажей, кроме протагониста, но при этом их внутренний мир остается загадкой. В основном повествование прикреплено к моменту действия. Хронологические перестановки в произведениях Мартинека и Пекарковой чаще всего связаны с воспоминаниями героев. Интересен в этом отношении роман «Халтура» В. Тршешняка, где совмещены два временных пласта. Часть действия разворачивается в наше время, и рассказывает о событиях сам герой, часть эпизодов рисует жизнь в 1960-е гг. – это события юности персонажа, связанные с его дальнейшей судьбой. В последнем случае появляется другой повествователь, но он следует за героем и видит мир его глазами. Лишь последняя фраза этого временного пласта, в которой присутствует грамматическая форма первого лица, открывает, что повествователь – это повзрослевший герой, перебирающий в памяти прошлое, чтобы понять настоящее.

В произведениях исследуемых авторов оценочная точка зрения принадлежит главным героям. Повествователь фиксирует только их конкретные действия и ощущения. Например, в романе «Между полночью и полуднем» Л. Мартинека многие люди, с которыми сталкивается на своем пути герой-мореплаватель, представлены с его позиции: каково с ними в море, помогут ли они на берегу, по душе ли им кочевая жизнь моряка, или же они ведут скучное (по мнению героя) существование без приключений, предпочитая спокойствие свободе. Подобная ситуация воссоздана и в романе «Отдай мне бабки» И. Пекарковой. Героиня романа – молодая женщина-таксистка, ее оценка чувствуется в

описании и улиц большого города, и окружающих ее людей. (Особенно ярко это проявляется в изображении мужчин: явно присутствует оценка их привлекательности как потенциальных партнеров).

На страницах книг всех трех авторов часто встречаются слова «возможно», «наверное», «будто бы», «казалось», отражающие сомнения и представления героев. Разнообразные фразы, содержащие в себе оценочную позицию героев, не выделяются как их реплики или внутренний монолог, а вплетаются в речь повествователя. Субъективная оценка протагонистов преобладает как в отношении к мелочам, частным явлениям, так и к миру и человеку в целом.

Внутренняя перспектива присутствует также на языковом уровне: в стилистически нейтральное повествование проникает живой голос героев. Это ощущается по употреблению иной лексики, например, разговорной (что особенно характерно для романов Тршешняка), введению в текст назывных, вопросительных, восклицательных предложений. Пекаркова использует также графическое выделение отдельных слов заглавными буквами, маркируя фрагменты, где происходит замена говорящего.

Внимание писателей-эмигрантов «младшего поколения» обращено конкретному человеку, его личной судьбе. Их интересует не столько взаимодействие персонажа с другими людьми, сколько анализ его внутреннего состояния, погружение в его философию. В современном мире, где происходит столкновение и взаимопроникновение разнообразных культур, поиск универсальной истины оказывается бессмысленным, важной становится частная правда. С одной стороны, это связано с признанием уникальности каждого индивидуума (для героев всех трех писателей именно индивидуальность находится на первом месте в шкале ценностей), с другой – отражает состояние разъединенности людей, внутреннего одиночества.

Особенно ярко эта проблема встает перед эмигрантом, погруженным в неизвестность, оторванным от корней. Использование внутренней перспективы помогает читателю лучше понять героя, увидев мир его глазами, через призму его восприятия. Сочетание же с внешней перспективой нейтрального повествователя позволяет сохранить дистанцию, иллюзию объективности и достоверности. При этом право оценки чаще всего принадлежит персонажу, с которым солидаризируется повествователь. Это объясняет симпатии писателей к жанрам, в рамках которых они могут говорить от своего имени, не используя героя-посредника. Так, Л. Мартинек помимо романов пишет эссе, а И. Пекаркова создает путевые очерки, где делится впечатлениями от собственных путешествий.

Изменения, происходящие в современном мире, влияют на подход писателей к теме эмиграции, заставляя по-новому расставлять акценты, что определяет выбор особой повествовательной перспективы.